

Йордан Люцканов

К определению эмигрантологии

1. *Филология, россиеведение, эмигрантология как разные парадигмы науки о русской литературе*

Несмотря на очень разные истории этих трех слов, мы предлагаем рассматривать их как логически 'равномощные' подходы к одному и тому же объекту, ядром которого являются русская литература и русские писатели.

'Русская филология' – общепринятое название традиционного подхода к этому объекту в России и ряде стран Восточной Европы – подразумевает не всегда осознаваемый эпистемологический и отсюда методологический выбор: мыслить литературу в двуединстве с языком. *Предметом* литературоведения, как раздела филологии, является литература как форма осуществления языка ('язык' в смысле объекта лингвистики).

'Россиеведение' существует недолго. О его возникновении можно высказать два очень разных мнения¹. Как бы то ни было, своей словообразовательной структурой термин прямо отсылает к 'страноведению': предмет литературоведческого 'россиеведения' – русская литература как социальный, географический² и культурный ин-

¹ Люциан Суханек видит его "как специальный предмет славистических исследований", выросший "из филологии", сразу вошедший "в тесный контакт с культурологией" и ставший междисциплинарным; своего рода инаугурационное событие – конференция "Закат Гердера. Филологические основы славистики", организованная кафедрой славистики Опольского университета 22-23 марта 2010 г. (Суханек 2013: 23, 24). Но на обложке книги шестой "Евразийских сборников" (Алексеев и др. 1929) имеется подзаглавие: *Политика. Философия. Россиеведение*. Учитывая концептуальный *хорологизм* научных занятий евразийцев, третье слово – знак научной программы в определенном методологическом ключе. Доклад Петра Савицкого на Первом славистическом конгрессе в Праге, *Методдействие в русской литературе* (Savickij 1929), можно считать первой сознательно россиеведческой работой о русской литературе; написана она в одном из возможных для рождающейся дисциплины ракурсов. Здесь россиеведение вырастает из географии и является специальным разделом в рамках тогда еще складывающейся ареалистики (как и "балканология"!); конкретнее, исследований "России-Евразии".

² Следуя за Савицким, литературу как географический *институт* надо понимать как часть объекта географии, в т.ч. в контексте теории ноосферы Владимира Вернадского. Литература – средство создания представлений о местах, изменения их физического и символического облика (создание литературных музеев, закрепление писательских имен за улицами) и поддержания местосознания (место как бы сознает себя благодаря своей населенности людьми, в т.ч. читателями литературы, объективирующими его, в т.ч. его литературные ипостаси, в своем воображении и практике).

ститут, фактор³, 'пациенс'⁴. 'Россиеведение' предполагает сдвоенность литературы с социальным – 'культ поэта' в России⁵ – и географическим пространствами: выделение региональных разновидностей русской литературы (Литература Урала), а также 'городских' и 'региональных' 'текстов' (петербургского, сибирского...). С точки зрения россиеведения, литература – миметический процесс и инструмент организации⁶ обитаемого человеком пространства. Очевидно, что литературоведческое россиеведение гораздо старше своей терминологизации.

Термин эмигрантология, насколько мне известно, был введен в научный обиход Люцианом Суханеком на XII Международном Конгрессе славистов в Кракове в 1998 году (Суханек 2012: 19). Для Суханека (2012: 20, 21) эмигрантология – отдел россиеведения, занимающийся эмиграцией. А россиеведение – дисциплинарно экстривертная, не-'герметическая', русская филология (Суханек 2012: 19; Суханек 2013: 24; ср. с понятием экстралингвистики). Для нас 'эмигрантология' предполагает сдвоенность литературы и духовно-душевно-телесного состава *и дома* человека. Эмиграция является лишь частью объекта 'эмигрантологии', *буквалистическое осуществление* ее предмета.

Другая, менее видимая часть объекта эмигрантологии, это 'внутренняя эмиграция', в т.ч. в традиционном политическом смысле. *Принятие* поэтами 'культа поэта' (и

³ Тривиально утверждение о со-формирующей роли литературы в обществе и культуре. На физико-географическую среду она воздействует опосредованно: создавая, поддерживая, блокируя... какие-то представления о географических объектах, влияет на практическое отношение к ним (основание курорта, освоение целины, создание заповедника...), помимо, вопреки или в согласии с экономическими, политическими и проч. соображениями. Литература – инструмент и ресурс *геопоэтики*, т.е. конструирования того или иного географического пространства (конкретнее см.: Frank 2010: 27-28; работа ценна в т.ч. отсылками и к русско-, и к англоязычным концептуализациям).

⁴ Ускоренный рост грамотности в Советской России не может не привести к изменениям в структуре вкусов (запросов) читателей, понижающим востребованность модернистской литературы, помимо цензуры и декретирования литературной тематики и поэтики (литература – социальный пациенс, т.е. пациенс социальных изменений). Переход управления культурой от рынка к государству к министерству культуры к коммунистической партии в России 1914-1922 гг. не мог не воздействовать на тематику, поэтику, удельный вес в культурном поле литературы ('культурный пациенс'). Осушение болот может изменить характер болотной образности в последующей литературе ('географический пациенс').

⁵ О нем см. Freidin 1993: 149, 157; Милюков 1896-1903, II: 185-187.

⁶ Ср. Богданов 1911: 34: по отношению к "живой социальной жизни" "произведение художника есть и продукт, и организующая форма". С точки зрения теории социального пространства Анри Лефевра мысль о том, что художественная литература (со)организуется, (со)производит пространство, кажется тривиальной. Я имею ввиду как фикциональное, так и социальное пространство функционирования литературы. Надо принять и теоретическую посылку, что фикциональные миры могут иметь к нефикциональному не только 'отобразительное' отношение, но и 'прообразовательное' и дивергентно-дополняющее (при колебании между двумя возможностями одна осуществляется в литературе, другая вне литературы).

его предвосхищение; ‘самосотворение’ поэта навстречу этому культу) – уже наверняка невидимая часть объекта литературоведческой эмигрантологии; поэт (писатель) мысленно ставит себя в положение обособленности, некоторой ‘непо(с)юсторонности’⁷. *Выбранные места из переписки с друзьями* Гоголя, *Философические письма* Чаадаева не менее интересны для эмигрантологии, чем для русистики и россиеведения.

Между ‘языками объектов’ трех парадигм существует взаимная переводимость. Так, ‘беженству’⁸, как объекту эмигрантологии, соответствует меж-габитусность в координатах социо-литературоведческого (россие)ведения; меж-положенность стилям / поэтикам в координатах филологии.

А парадигмы можно более точно означить так: литературоведение филологическое, страноведческое и эмигрантологическое.

Уверенность в исчерпательности этого трехделения покоится на (социальной) онтологии, постулирующей совместную первичность (не)самотождественности речи, ситуации и субъекта.

Необходимо ли предлагаемое трехделение озабоченному русской речью, Россией и русскими литературоведению? Животрепещущих проблем русской филологии я решать не собираюсь. Но это трехделение дает возможность обратить должное внимание основополагающему свойству литературы, ее невнутриситуативности (см. ниже). Оно позволит переосмыслить устоявшиеся представления и объекты русистики с учетом сдвига в чувствовании и понимании дома и бездомности, оседлости и кочевничества, произошедшего в литературе и гуманитаристике в последние несколько десятилетий. Оно даст возможность переоценить теоретическую ценность некоторых занятий русской литературы, маргинализированных материалистическим (позитивистским, марксистско-ленинским) литературоведением, а также заметить живучесть одной из имплицитных предпосылок последнего. В конце концов, оно, надеемся, создаст *продуктивную* путаницу в номенклатуре занятий названной литературой и ее писателями, побуждая усомниться в якобы самоочевидном. Денатурализация категорий, которыми схватывается человеческий опыт, кажется и мне бессменным императивом (ср. Lewis, Wigen 1997: 46)⁹ и аспектом должной саморефлексивности – или *рефлексивности* – социально-гуманитарного знания (о ней: Bourdieu 2004: 85-93).

Анализ произведений, который продемонстрировал бы эвристичность последовательного размежевания трех подходов, может войти в задачи последующей статьи либо книги по теме.

⁷ Стремление к точности выражения не раз приведет нас к (подчас кажущимся) неологизмам.

⁸ Беженство – ‘эмигрантскость’, которой недостает индивидуации (в см. Юнга). Ср. Berg 1996: 4.

⁹ Ср.: “Традиционализм по С. Аверинцеву: [...] от романтизма [...] дорефлексивный традиционализм новой формации: таковы шаблоны реализма, которые присутствуют у всех в сознании, но считаются несуществующими” (Гаспаров 2001: 177).

2. *Понятие эмигрантологии, мировоззренческий материализм и историчность гуманитаристики*

Я пришел к выводу о необходимости – как науковедческой, так и культурно-исторической – четкого отмежевания от теоретических посылок Суханека и “краковской школы руссиеведения и эмигрантологии” (ср. Суханек 2013).

Основная слабость их подхода (как он оглашен в резюмирующих работах: Суханек 2012, 2013) – редукция предмета эмигрантологии к одному из ее объектов; или: верность материалистической картине мира и (безотчетное?) придание ей нормативного значения. Сведение предмета / объекта эмигрантологии к (внешней) эмиграции – аналог сведения реализма к миметическому ознаменованию психо-социальных явлений. Русские символисты, обращаясь к философской традиции средневековья, вкладывали в это понятие совершенно иное значение; а Мережковский, Шестов, Бахтин в своих прочтениях некоторых образцов русского литературного ‘реализма’ обоснованно усомнились в первостепенном значении как репрезентативизма (по сравнению с экспрессивизмом и апеллятивностью)¹⁰, так и психо-социологизму (в ущерб духовно-душевной проблематике) в этих произведениях. Но тут и эпистемологическая проблема: оправдан ли перенос естествонаучной картины мира в гуманитарные науки и придание ей там нормативности?¹¹

Ограниченность донныне вкладываемого в понятие эмигрантологии смысла может осознать обращение к понятию ‘реалистического субъекта’. “Картезианский или реалистический субъект” “поддерживает устойчивые связи с своим окружением” (Сопнон 2010: 10), это субъект, который “показан (репрезентирован) поддерживающим объективирующий взгляд на внешний мир” (*там же*: 10, примеч. 3). Тогда как не-реалистические или пост-реалистические субъекты принципиально “немного не на месте / у места” (“slightly out of place”) (*там же*: 11). Приурочение предмета эмигрантологии к физической находимости (в)не дома – это натурализация реалистического субъекта, подача особенностей рационально-материалистического мировосприятия за естественные и безальтернативные. Тогда как само состояние ‘(в)недомности’¹² является воплощенным свидетельством их безальтернативности.

‘Занятость’ термина данным его пониманием представляется историческим невезеньем: термин ‘занят’ данным его пониманием на *исходе* культурно-исторической формации, насилем воспитывавшей мыслить рационально-материалистически. Позитивистское истолкование русского ‘реализма’ XIX в., унаследованное и развитое

¹⁰ Здесь отсылаем к трем основным функциям естественного языка по Карлу Бюлеру.

¹¹ Примем, что примат материи над не-материей, доступного пяти чувствам над недоступным им является частью или основой названной картины в конце XX в., когда выдвигалось понятие ‘эмигрантология’ в критикуемом мною значении.

¹² Так мы объединяем различаемые в (Сопнон 2010: 14, примеч. 8) понятия *unhomeliness* (недомья, “чувства отчужденности от собственного дома”) и *homelessness* (бездомности, “выкорчеванности или потери дома”).

марксистско-ленинской эстетикой, и создает ту интерпретативную среду, в рамках которой сведение предмета эмигрантологии к его физической грани кажется вполне естественным и даже исчерпывающим собою предмет¹³. Естественно предположить, что с 1940-х гг. интерпретативные навыки русистов Восточной Европы будут формироваться в значительной зависимости от навыков в 'метрополии' – в советско-росийской русистике (в т.ч. в досоветской-сквозь-фильтр-советской).

Отказ от материалистического буквализма в понимании эмигрантологии можно рядоположить недавнему развитию в тематизации *uncanny* (английский перевод немецкого *U/unheimlich(e)*) в западной гуманитаристике (хотя бы англоязычной) и литературе (хотя бы франкоязычной): внимание смещается с ужасного, фантастического и сверхестественного к тихой жути и даже просто зазорности повседневного и домашнего (Соппоп 2010: 12-13, 49, 265). Речь идет о способе видения, об упражнении в нем, а не об обращении к необычным явлениям. Аналогично, для нас эмигрантология определяется в первую очередь своим предметом, а не своим объектом.¹⁴

Для трех выделяемых нами групп литературоведческих исследований объект общий: литература и писатели. Объект имеет концентрическую и открытую структуру: к нему могут 'прилипнуть' соседние объекты – напр., *Апофеоз беспочвенности* Шестова может войти в круг филологического литературоведения по причинам стилистическим либо жанрологическим (при допущении о конвергенции художественной прозы и философской 'эссеистики'); литературная продукция Варшавы или Тифлиса в XIX в., вне зависимости от языка публикации, – в круг руссиеведения; повествование об 'обездомленности' (писателя либо героя) в результате природного бедствия (если образ ситуации внушает сомнение о содействии политической силы: *Медный всадник* и Евгений) – в круг эмигрантологии. Но трехделение остается, и обусловлено оно спецификой предмета.

Так, в сказке о Гензеле и Гретеле германист-филолог интересовался бы особенностями языка и повествования; страновед – преломлением в сказке немецких реалий (как времени, близкого к времени деятельности братьев Гримм, так и более отдаленных времен); эмигрантолог – опытом выведенных обманом из дома и оказавшихся в плену детей¹⁵. Это примеры интратекстуальных подходов, филологического, страноведческого и эмигрантологического соответственно, к данной сказке. Но второй и

¹³ Приведение сколь угодно долгого ряда предшественников и вдохновителей идеалистов и персоналистов (см. Суханек 2013: 28-29) само по себе свидетельствует не о колеблемости материалистической мировоззренческой установки у приводящих список, а о ее ассимилятивной силе.

¹⁴ У Суханека (2012, 2013) смывается различие между объектом и предметом исследований.

¹⁵ Будь уход Г. и Г. из дому по собственному желанию или окажись колдуня любящей усыновительницей, соответствующий опыт Г. и Г. все равно был бы предметом эмигрантологического рассматривания.

третий подход легко могут стать экстровеертными. В случае эмигрантологии это означало бы заинтересоваться почему 'донациональная', но 'интерэтническая', фольклорная сказка засела в интернациональной культурной памяти именно в своем немецком 'олитературирующем' обличи; а также обстоятельствами перемен мест жительства собирателей сказки и возможное воздействие этих обстоятельств на их составительскую и редакторскую деятельность.

В собственно литературе структура предмета, по крайней мере эмигрантологического, сложнее. Здесь следует учесть основополагающее расслоение и усложнение человеческой субъектности по оси автор – имплицитный автор – повествователь – герой. А также сопутствующее рождение внеситуативности, как основного свойства *литературы*, типологически и генетически отмежевающего ее от *словесности* (Аверинцев 1996: 15-22, 29 и др.).

Названное расслоение – коренной *повод* литературоведческой эмигрантологии; не будь его, эмигрантология, ее предмет, вряд ли бы имели место в дисциплинарных рамках литературоведения, а были бы уделом лишь психологии, социологии, культурологии.

Отождествления виртуально-реального места пишущего субъекта и его письма с домом, делавшиеся по-разному Пушкиным и Хайдеггером (см. Smith 2006: 54, 28), а наверняка и многими другими, представляются мне не только (не)вольными вариациями на архетипическую для иудео-христианской культуры тему Премудрости, построившей себе дом, но и косвенными и как бы компенсирующими объективациями коренного свойства литературы, ее невнутриситуативности.

Обитая донныне культурологические, социологические, общесториографические окраины литературоведения, эмигрантология вступает в круг теории литературы. В ее перспективе эмигрантология – исследование разнеуровневых проекций расшатанности статуса литературы и литератора как литературы и литератора, т.е. расшатанности их *добровольной* невнутриситуативности, их *свободы* пережить свою внеситуативность, в т.ч. внутреннюю самодистанцированность. Эту расшатанность можно считать и *вынужденностью* литературы исследовать условия собственной возможности.

А почему именно 'эмигрантология'? Лучше пользоваться уже наличным термином, чем придумывать новый, если *потенциал* (в т.ч. лексикосемантический) взятого в качестве термина слова кажется *неиспользованным*. 'Мигрантология' не годится, т.к. при обращении к этому слову был бы преувеличен момент 'непривязанности', 'отрешенности', тогда как состояния, являющиеся *объектом* эмигрантологии (см. ниже), характеризуются расшатанностью между 'привязанностью' и 'непривязанностью' (см. хорошо известную исследователям внешней эмиграции диалектику / дихотомию свободы и ностальгии). 'Иммигрантология' поставила бы акцент не на 'смещение' и на срыв в 'не-по-себе-шность', а на 'новопомещение', на приход в новое 'по себе'.

3. Предмет эмигрантологии между буквализмом и семиотикой

Предмет эмигрантологии – ‘непосебешность’, несвоеместность, инонаходимость. Теоретические условия возможности подхода – признанием за состояниями ‘отъединенности от дома’, в т.ч. бездомности, безраздельно психо-физического характера и признанием за понятием дома неотчуждаемой связанности с пространством и местом.

3.1. Сеть опорных понятий

Предмет эмигрантологии – опыт существования, актуального либо гипотетического, в местообитаниях, ощущаемых либо мыслимых временными и отличными от своего ‘естественного’ местообитания. Опыт недобровольной лишенности дома, или *обездомленности*, наиболее значим социетально, но он не исчерпывает предмета эмигрантологии.

Концептуализация предмета эмигрантологии покоится на понятиях ‘местосвязанности’, или несводимого к языку чувства дома / родины; и ‘местосознания’ – ощущения и сознания (не)связанности своей обычной и должной активности с местом и его обитателями.

‘Местосознание’ – географизирующий коррелят сознания своей *не-внеположенности* (*situatedness*). Социальная, географическая и историческая невнеположенность – коренное условие возможности таких человеческих деятельностей, как литература и производство социально-гуманитарного знания¹⁶. Работа (Neumann, Neumann 2018), предлагающая методологию и методики объективации невнеположенности исследователя при производстве социологического знания, помогает понять глубинное родство трех иллюзий: нейтрально-объективного социально-гуманитарного знания, бесконечности творческой свободы, достоверности инстанции невидимого и всеведущего повествователя. Другая возможность подойти к ‘местосознанию’ – это теория сознания, отождествляющая последнее с 1) трехъединством субъекта, объекта и процесса познания; 2) неким общим знаменателем, ‘за кадром’ объединяющим состояния яви, мечтания и сновидения, но, в отличие от них, беспредметного, или ‘само-предметного’ (ср. Grace 2007: 30-33, 41-42). Тогда местосознание будет нахождением в том (любом таком) месте, к которому я (ты, он...) в состоянии приурочить ‘здесь, здешность’ своего ‘обладания сознанием’ = своей ‘обладанности сознанием’, факт сознания такового нахождения и само это место (ср. Grace 2007: 30); ‘здесь емь, где я сознаю’¹⁷.

¹⁶ Если попытаться связать с понятием ‘внеаходимости’ М. Бахтина, то: при всяком ‘возвращении к себе’ остается надлежащее осознанию присутствие другого; контекста, истории и предыстории контакта с ним.

¹⁷ Третья возможность – теория памяти Г. Башляра: “Место и тело образуют гибрид, каждое взирает на другого для обретения идентичности и одушевления” (Trigg 2012: 12). Четвертая – онтология бытия и *пространства* М. Хайдеггера (Sloterdijk 2012: 39 в особенности).

Предмет эмигрантологии – зазор между местосвязанностью и местосознанием ('я не там, где мне хотелось бы быть') и озабоченность этим 'зазором'.

Структуру местосвязанности можно представить себе как нарастание, изнутри наружу, не-личностного, топографического элемента: переход от чувства 'неконвертируемого' ядра своего 'я' к чувству дома. Аналогично, чувство *нарушенной* местосвязанности, или отмеченной 'зазорности', будет переходить из *непосебешности*¹⁸ в *несвоеместность*¹⁹.

Понятие инонаходимости более общее, чем два последних. В инонаходимости есть такой рубеж лояльности, по одну сторону которого *несвоеместность*, *непосебешность*, а по другую – Исход (ср. Ainsa 1982: 52-53). В междомье уже чувствуется больше от новодомья, чем от бездомья. Если обратиться к такому объекту, как *exile*: экиланты становятся иммигрантами. Возможность аналогичного сдвига, несмотря на насильственность предшествующего перемещения, замечается и у спецпоселенцев в СССР (см. Koustova 2015: 618).

3.2. Психофизичность предмета эмигрантологии

Узуализация понятия внутренней эмиграции представляется своего рода лакмусом, усвоена ли идея о психофизичности инонаходимости. Насколько мне известно, занимавшиеся режимами инонаходимости в рамках русистики либо были заложниками физического детерминизма (отсюда деление объектов на эмигрантские и не-эмигрантские)²⁰, либо переоценивали определенные аспекты 'психичности' (отсюда деление объектов, поверх государственной границы, на, например, 'поэзию' и 'рифмованные лозунги'). Эпистемические рамки первого во времени серьезного коллективного труда (Нива 1981) кажутся все еще в силе для русскоязычных исследований русскоязычной литературы XX в. Мишелю Окутюрье (Нива 1981: 111) приходится "реабилитировать" понятие внутренней эмиграции; косвенное свидетельство гегемонии советской точки зрения на русскоязычный дискурс о русской литературе, кто бы ни брал слово в рамках этого дискурса²¹. *Устное* высказывание Иосифа Флешнера (Нива 1981: 199) дает иное понимание '(внутренней) эмигрантскости', не просто рас-

¹⁸ Пример 'непосебешности' в интимнейшем пласте литературы – разлад между биографическим и имплицитным автором: "спокойный и прозрачный Тургенев был духовно опустошенным и отчаявшимся в жизни человеком" (Волошин 1933).

¹⁹ Переход: "Я видел у других / Отчизну, дом, друзей, родных, / А у себя не находил" (*Мицери*); см. и "несвоеместность" характера действия в отношении места действия, закодированную в заглавии *Роман во дворце труда*.

²⁰ Внимание к пограничным случаям, или к случаям маятникообразной смены местожительства и самоидентификации, парадигму не меняют.

²¹ Почему понятие нуждалось в реабилитации, понятно хотя бы из рассуждений А. Синявского (2003: 188-189). Но публика – не советская; и реабилитацию проводит не русский, а француз.

пространяющее ее и на Пушкина, но приближающееся к понятию инонаходимости. Это иное понимание прочитывается еще в статье Георгия Федотова 1935 г. *Зачем мы здесь?* (см. Струве 1996: 163), но почему-то оно не получило должного литературоведческого развития. Федотов перенял, по сути дела отнял от советской критики понятие внутренней эмиграции. Но Окутюрье этого опыта не подхватывает, хуже того, к понятию внутренней эмиграции он приступает не с позиций дискурса, противоположного и равного советскому. Читатель остается при впечатлении, что последний был безальтернативным, поскольку единственно легитимным положительным высказыванием о внутренней эмиграции оказывается то, которое реабилитирует ее от советской стигмы. Примечательно и то, что акцент у Окутюрье падает на освобождение от политической стигмы, а не от физического детерминизма.

В эмигрантологии других литератур осознаны безраздельная психофизичность эмиграции (Berg 1996: 5) и психическая общность между состояниями эмиграции и внутренней эмиграции (Pie 1980: 2; Ruiz-Meléndez, 2005: i); в силу наблюдаемых литературно-исторических сходств граница между ними может признаваться несущественной (Klapper 2014: 163; 2015: 382; Gołaszewski *et al.* 2016b) и обусловленной идеологической предвзятостью историко-литературных исследований (Klapper 2015; Tomko 2014: 359, 367, с опорой на Штефана Брокмана и других)²². Психофизичность ряда сходных ситуаций очевидна при применении юнгианского анализа в литературоведении; широко понятый *exile* оказывается экзотерическим (экстривертным) и эзотерическим (интравертным) (Кларр 1991: 2).

Признание коренной психофизичности инонаходимости теснее связывает последнюю с литературоведением. Потому, что этим дается возможность мыслить состояния внешней инонаходимости, в т.ч. эмиграции, как материализации уже ('уже' не столько в хронологическом, сколько в онтологическом смысле) моделируемого литературой. Тем самым признается проективный характер литературы наряду с 'отобразительным'.

3.3. Территориальность предмета эмигрантологии

Метафоризируя понятие *exile*²³, Хонг Зенг критикует литературоведов за то, что они

не исследовали язык изгнания вне опыта экспатриации [... Я] пытаюсь дефинировать универсальный язык изгнания [...] семиотику изгнания как следствия / подтекста разобщенности в сигнификации, личности, повествовании, времени и жанре. [...] Отображенная в разобщенности сигнификации, она подразумевает де-

²² Краткую историю вопроса в: Tomko 2017: 159-160.

²³ Из-за патетичности слова "изгнание", мы часто будем употреблять синоним "экзильность". С точки зрения актуальной для нас типологии, *exile* охватывает эмиграцию, ссылку и высылку. См. ниже.

конструктивную поэтику с отсутствующим центром [...]. Разобщенность в личности подразумевает личность разделенную, множественные персональности, маски и двойники (Zeng 2010: 1-2).

Одиночество, разлад, неувязка – вот абстрактная семантика, которую Зенг (2010: 1-3) вкладывает в понятие “семиотики изгнания/ото-рванности”²⁴. Он рассматривает конкретизации этой сути и в означающем, и в обозначаемом. Он освобождает экзильность от географичности, от связанности с местом и даже от пространственности²⁵, в т.ч. от ее свойства быть опространствляющей метафорой. А даже внутренняя эмиграция – географична: уход от *того* общества, специфическое утверждение своей оппозиционной принадлежности к *нему*, а не принципиальная отрешенность. Эмигрантологии, как она понимается нами, подходит *семантическая* теория экзильности; она ограничилась бы кругом обозначаемого²⁶ и учла бы онтологическую и историческую неотъемлемость экзильности и места²⁷. Ср.:

Мы не знаем, что пришло первым: изгнание или [географическая] карта. Стоило первым картографам начертить первую линию на земле, как парные миры принадлежности и непринадлежности пришли в бытие. [...] [И]згнание – фундаментально картографическая ситуация, имеющая дело с пространством и местом (Bishop 2016: 1).

Переход от кочевой к оседлой жизни в позднюю каменную эпоху сделал *exile* возможным и мыслимым (Кнарр 1991: 2).

Нередуцируемый до языка дом – не готовая данность. Из многих поэтических постижений этой истины мы выбрали одно: “[...] Мы напились досыта. / И

²⁴ Этимология латинского слова, *ex solum, ex(s)ul*, ставит в центр как раз такое понимание: оторванность, выкорчеванность, а уж потом – изгнанность, принужденность изыти; см.: Ergout *et al.* 2001: 207 (*exul, exsul*), 27-28 (*ambulō*).

²⁵ В согласии со стандартными представлениями в гуманитарной географии, ‘место’ понимается нами как ‘обжитое пространство’.

²⁶ Обозначаемое – это в т.ч. фикциональные миры литературы.

²⁷ Семантическая теория экзильности относилась бы не ко всякой разобщенности в сигнификации, а лишь к (радикальной) деконтекстуализации, т.е. к семантической детерриториализации. И не ко всякой разобщенности во времени, а лишь к той, которая происходит и вне означающего: напр., между написанием и публикацией произведения. Аналогично в отношении разобщенности в личности. Объект, называемый в лингвистике ‘моментом речи’ – а точнее цепочка ‘мысль-слово-дело’ в ее разных ‘синтаксических’ вариантах (Григорян 1991), – в его пространственном, временном и субстанциональном измерениях имел бы для названной теории центральное значение (о чем нет возможности распространяться здесь). Но учитывание основополагающей связи между экзильностью и *местом* отводит только что перечисленным видам разобщенности периферийный статус среди объектов теории. Ее центральный предмет – разрыв *пространственной* связи с ‘моментом речи’ и его же пространственной цельности.

стало нам всего дороже / Вот это море, да земля / [...] И сами стали мы так сходны / С землей, впивающей закат, / И так же Господу угодны, / Как спелый хлеб и виноград” (Федоров 1919). В диптихе “I. По степи мы с тобой блуждали... – II. День уходил, светясь, к закату...” можно прочесть аллегория человеческой истории как обретения дома под Богом; при пессимистическом прочтении, диктуемом биографическим контекстом (диптих опубликован в Одесской газете в октябре 1919 г. – в междомье Южной России)²⁸: как маяния между инонаходимостью и нахождениями себя-и-дома.

3.4. Инонаходимость и *das Unheimliche*

Инонаходимость полезно сравнить с *das Unheimliche* (и его английским соответствием *uncanny*). “Как обнаруживает этимологическое исследование Фрейда немецкого термина *unheimlich*, *uncanny* можно понимать как чувство небывания-у-себя-дома в мире (*not-being-at home in the world*)” (Connop 2010: 11). Общее – несвоеместность / непосебешность.

Тот же автор дает такое провизорное определение *uncanny*: “опыт недомья (*unhomely experience*), момент выкорчевания, потери устойчивой опоры в действительности” (Connop 2010: 31). В конце концов это потеря чувства различия дома и не-дома (ср. Connop 2010: 9, 27). Тогда как опыт инонаходимости, являя собой промежуточный тип: ни обитания у себя дома, ни кочевничества, – потерей того чувства не характерен.

С точки зрения учитывающего психоанализ литературоведения инонаходимость это *das Unheimliche*, которое не просто ‘есть’, а вызвано нечьими действиями (каузировано), и которое характеризует опыт субъекта не в мире, а в каком-то месте или пространстве.

С точки зрения теории литературы, признающей невнутриситуативность одним из ее основополагающих свойств, *das Unheimliche* в круге литературы и литературоведения – лишь *гиперболизация*, *гипостазирование*, ‘*космизация*’ невнутриситуативности и вытекающей из нее потенциальной непосебешности / инонаходимости субъекта литературного письма и действия. Сравним:

the uncanny можно понять не только как спектр образов и как литературный прием для артикуляции странности дома и собственного Я, но также как повествовательный этос или установка письма. [...] Само место, с которого письмо выходит на белый свет, португетается как *unheimlich*, локализованное у [некоей] точки первичной неопределенности (*uncertainty*) (Connop 2010: 27).

²⁸ Благодарю Галину Петкову (София) за возможность ознакомиться с стихотворением. Содержание оборотной стороны газетной вырезки с его текстом подсказывает предлагаемую датировку.

Такой творческий результат у некоторых современных романистов (Э. Каррер, М. НДийе, Э. Савицкая) нечаянно увенчивает манифесты и художественную практику некоторых теоретиков недалекого прошлого:

В своем предисловии к *Prénoms de personne* [1974], Элен Сиксу обсуждает то, что она видит как главную задачу литературы: запрещать либо проблематизировать комфорт бывания у себя дома (*chez soi*) и формы текстового одомашнивания. (Сопнон 2010: 62).

“Je me voyage”²⁹, слова одного из героев романа Юлии Кристевой “Убийство в Византии” (2004), видятся исследователю как вбирающими “визию Кристевой о субъекте как о некто, кто никогда не полностью у себя дома[, будучи] с собой” (“one who is never entirely at home with herself”) (Сопнон 2010: 77). Опыт инонаходимости постулируется как должный, как должно-универсальный. Наверняка можно считать субъект типа кристевского одним из ряда возможных типов. Представляются возможными литературная типология и история на основе того, в какой мере и как литература расшатывает комфорт находящегося у себя дома субъекта. Не без подсказки Коннон (Сопнон 2010: 46), можно считать эту расшатанность остранением: в плане (создания и восприятия) художественного артефакта, но и в плане персональностей пишущего и воспринимающего. Остранением, которое перестает переживаться как и быть приемом автономного, но в самом деле мало воздействующего на действительность вне эстетизиса-и-катарсиса, искусства. Остранением, как оно производилось бы культовым образом. “Непосебешность (uncanniness), выпячиваемая в этих романах, не принимает форму мимолетных случаев, а, парадоксально, представляет собой начальную точку для каждого из этих повествований” (Сопнон 2010: 273). Если, допустим, в литературе рефлексивного традиционализма внутриситуативность словесности воссоздавалась метафорически, а потом разными способами писатели усомнились в том, стоит ли ее воссоздавать³⁰, то здесь внутриситуативность объявляется невозможной.

Неслитное единство пространственного и персонального – другая общая черта “инонаходимости” и “жуткой смещенности”³¹. Автор англоязычного исследования о

²⁹ Сознательное отступление Кристевой от грамматической нормы, глаголу ‘путешествовать’ приписывается показатель возвратности: скорее ‘я путешествуюсь’, чем ‘я путешествую себе’.

³⁰ В т.ч. выработкой – и с позиции – инстанции всеведующего невидимого повествователя ‘реализма’.

³¹ А также ‘зорности’, ‘пугающей шероховатости’, ср.: “Мы можем описывать расстраивающий феномен, образ, персону, фильм или книгу как ‘uncanny’ за неимением более точного дескриптивного термина, потому что это нечто такое, которое оставляет нас с *чувством нерешенности*, которое навязывает предел нашей возможности толковать его” (Сопнон 2010: 32; курсив мой). “Рассматривая *uncanny* в терминах *chez soi*, мы могли бы описать момент, где

формах ‘недомья’ в современном французском романе решила пользоваться не английским словом *home*, но французским выражением *chez moi*, так как

оно вызывает не только мысль о физических и эмоциональных элементах дома, но также и о связи между домом и ‘Я’. Чувство быть *chez soi* можно понимать как чувство комфорта и заверения [в существовании] своего дома, но и самого себя. *Un-cantu* внушает расстройство обеих сфер (Сопнон 2010: 9, примеч. 1)³².

Понятно, жуть *das Unheimliche* связана не только с домом, но и с ‘Я’, с зазором между ‘внешними’ и ‘внутренними’ аспектами субъекта обитания (человек здесь вызван в своем измерении субъекта обитания, а не чего-нибудь другого): это несвоеместность, неприсебешность, непосебешность, не-у-себя-шность (см. и: Сопнон 2010: 11, 45 и др.). Меняя точку зрения, можно заключить, что проблематично и превращение пространства в место; место вдруг, и то и дело, срывается в пространство (ср. Сопнон 2010: 12).

‘Жуть’, ‘странность’ и под. переводы не только подчиняют явление “картезианской структуре мышления” (Сопнон 2010: 33), но и упускают из виду пространственный момент в немецком слове. Мне известно истолкование слова как “беспокойства перед родным [...] как вы-родным (из-родно)” (уродливым, выдающимся из ряда вон, ‘выродковым’) (Камелией Спасовой и Марией Калиновой) и “перед родным как состоянием-не-по-себе” (Александром Кёсевым; болг. *чоглаво*) (Бодаков 2021; ср. Калинова, Спасова 2013). Экспликация Бодакова, “беспокойство перед...”, кажется продуктивным (не)доразумением. Такое истолкование известного понятия и психофизиологического явления в наибольшей степени делает его сопоставимым с инонаходимостью.

3.5. Экскурс: фикциональные миры и инонаходимость

Эмигрантологии подходит понимание литературы как генератора (Doležel 1988: 489; Pavel 1986: 84; Hart 2013: 17) и обрамления фикциональных миров и отсюда – разномирия, гетеротопичности.

Фикциональные миры – разновидность возможных миров (Doležel 1988). Конструирование фикционального мира не отменяет актуальность мира, в рамках которого он порожден путем *поззиса* (ср. Doležel 1988: 490).

От фикциональных миров литературы состояния инонаходимости отличаются тем, что они хотя бы временно отменяют мир, в котором порождены. Возможность ‘иног’ *не* перескочила или не была отложена на параллельную (или просто другую)

мир больше не оперирует в неразрывности (continuity) с Я [...]” (Сопнон 2010: 82; курсив мой). Я прибегнул бы к частичной кальке с немецкого: “сдомленность”.

³² “По сравнению с ‘home’, однако, этот термин склоняется более чувствительно к элементу Я / личности (self), отражая [некую] тенденцию воображать Я как форму дома” (Сопнон 2010: 82).

временную ось. ‘Тормоза’, откладывающие акт выбора в фикциональные миры, ‘судьбо-отводы’ не срабатывают.

Отличаются и тем, что возможное обрело плоть независимо от того, было ли желанным или нет (ср. Doležel 1988: 493). Самосбывающееся пророчество кажется разновидностью тех намеренных и *ненамеренных* перформативных актов (ср. Doležel 1988: 490), которые производят состояния инонаходимости...

И, как у фикциональных миров, у них обнаруживается основополагающее игровое измерение (о нем см. Spagiosu 2015).

Вскрывается архаический пласт той психофизической реальности, которую связывают с ‘апеллятивной функцией’ речи. Вызов судьбе – вызов судьбы.

Предмет эмигрантологии охватывает фактическое и возможное. Так, созерцание возможности своей эмиграции – часть предмета эмигрантологии не только потому, что эмиграция (даже в опосредованном виде) является ее объектом, но и потому, что здесь имеет место созерцание альтернативного мира, возможности иного существования.

4. *Специфический объект эмигрантологии и его теоретическое моделирование*

Специфический объект эмигрантологии – семья состояний инонаходимости. В зависимости от дисциплинарной доминанты эмигрантология может быть литературоведческой, лингвистической, юридической, социологической и т.д. Специфический объект литературоведческой эмигрантологии – литература, создаваемая в условиях инонаходимости и их тематизирующая; пребывание в таких условиях и озабоченность ими писателя и читателя.

С точки зрения социологии литературы разновидности инонаходимости попадают в четыре большие группы: в некоторых из них возможна литературная жизнь³³; в других – лишь индивидуальное творчество; в третьих – то либо другое, но в порядке симуляции инонаходимости или исключения (напр., сюрреализм, как особая концептуализация сна; творчество под воздействием опиатов); наконец, есть и такие, которые могут быть темой или толчком, но не непосредственным условием создания литературы (напр., “люди, говорящие сами с собой” “на улицах больших городов” из импрессии Александра Федорова [1928]; [ложное] отождествление жизненной динамики с динамикой игры, напр. в шахматы – Лужиным Вл. Набокова; находимость на другой планете; ощущение, осознание реальности ‘духовной родины’; путешествие по загробному миру).

³³ Перечисление см. ниже. Если верить художественной литературе, то местодействи- ем, пусть и рудиментарной, литературной жизни могут быть и такие режимы инонаходимости, как дом во время карантина (*Декамерон*) и даже комната, где обитает приговоренный на смерть перед казнью (*1001 ночь*).

4.1. К статической типологии инонаходимости

Из семьи состояний инонаходимости несколько видов кажутся особенно важными, с точки зрения литературоведческой эмигрантологии. Это эмиграция, внутренняя эмиграция, ссылка, спецпоселение, (исправительно-трудовой) лагерь и, с оговорками, 'укорененный' / 'диалогический' космополитизм.

О не-рядоположении указанных видов русистикой стоит пожалеть.

Нам известное исключение – работы Клаудии Пьерали (Pieralli 2013a, 2013b, 2017), в которых предпринимается опыт типологии литературы эмигрантов, внутренних эмигрантов, ссыльных и заключенных под общим знаменателем понятия 'altrove' (2013b: 222). В работе (Барковская и др. 2019) оно переведено как 'инонаходимость'; мы считаем этот термин вполне удачным.

ЭМИГРАЦИЯ. Параллельное употребление, хотя бы в некоторых языках, синонимов *exile* и *emigration* дает возможность, не лишая слова терминологичности, усмотреть в них разные смысловые оттенки: 'пассивность – активность'. Определение Поля Табори³⁴ кажется применимым и к тому и к другому.

Литература, созданная в условиях ССЫЛКИ в Российской империи³⁵, представляется некартографированным материком, сопоставимым с материком литературы, созданной в "дворянских гнездах". Теоретически интересной кажется ситуация поляков в Грузии XIX в. (см. Filina, Ossowska 2015), где (в Тифлисе) налицо условия становления контактной зоны между несколькими литературами³⁶.

Первый, кто пользуется словосочетанием "внутренняя эмиграция", это, видимо, Лев Троцкий в фельетоне *Внеоктябрьская литература* (1922 г.) (Троцкий 1992:

³⁴ "Изгнанник/эмигрант (an exile) это лицо, вынужденное уйти или остаться вне пределов своей родной страны из-за хорошо обоснованного страха преследования по причине расовой, религиозной, этнической принадлежности или политической позиции; лицо, которое считает свое изгнание временным (хотя оно может длиться всю жизнь), надеясь вернуться в свое отечество, когда обстоятельства этого позволят – но не имеющее возможности или желания сделать этого пока факторы, сделавшие его изгнанником/эмигрантом, остаются в силе" (Taboří 1972: 27; цит. по: Kettler, Ben-Dog 2006: 6).

³⁵ Краткое сопоставление ссылки в императорской и в советской России, а также 'ссылки' и 'высылки' по раннесоветскому законодательству см. в: Бердинских 2005: 16. В другой работе мимоходом демонстрируются, кажется, важнейшие подходы к изучению литературы в условиях ссылки: круг чтения ссыльных (Vadcock 2016: 43-45, 83); мемуары ссыльных об их же душевном здоровье (*там же*: 149 сл.), или 'непосебешности'; создание ссыльными поэзии и прозы (*там же*: 114); песенное творчество уголовников (*там же*: 24).

³⁶ О (рудиментах) литературной жизни в лагерях: Горчева 2009; Bell 2011: 93; Gullotta 2011: 100 сл. Случай "Парижа северных концентрационных лагерей" (Gullotta 2010; 2011: 105 сл.; к сожалению, работа того же автора *Intellectual Life and Literature at Solovki 1923-1930: The Paris of the Northern Concentration Camps*, осталась мне недоступной) кажется аналогичным тифлисскому. Но необходимо выделение подтипов, с учетом (не)наличия условий межлитературной контактной зоны.

340, 347-349). Теория внутренней эмиграции как жизненной формы предложена в: Grimm 1972³⁷. Понятие являлось частью языка самоописания немецкой оппозиционной культуры в 1930-е гг., по мнению современного исследователя (Krenzlin 2016: 15) без связи с Троцким.

Эмигранты [...] переносили выражение “эмигранты” на любого противника Гитлера, кто остался в стране и там в подполье пытался делами или текстами оказывать сопротивление или по меньшей мере пребывать в ожидании, чтоб в подходящий момент стать активным: те обозначали этих как “внутренних эмигрантов” и так озвучивали связь между двумя группами. [...] Чем сильнее режим Гитлера упрочнял свое господство в Германии и надежда на широкое сопротивление исчезала, тем более выражение “внутренняя эмиграция” у эмигрантов теряло свой воинственный обертон. С 1937 года оно все чаще обозначало преимущественно пассивную оппозицию, тайной оставшийся протест, обращение на свое внутреннее [Я] или [погружение] в молчание (Gołaszewski *et al.* 2016b: 3).

Внутреннюю эмиграцию можно считать слабой формой *интroversитного exile* (Кнарр 1991, 2); уход в монастырь, а тем более в пустынь, – сильной.

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ. Имеются в виду местоназначения принудительных переселений социальной группы (‘кулаков’) и этнических групп. “[Е]сли ГУЛАГ – это, в значительной мере, явление надэтническое, то спецпоселение – это акция прежде всего национально ориентированная [...] ‘Кулацкая ссылка’ 1930-х годов, безусловно, преследовала иные цели” (Бердинских 2005: 6).

Вместе с тем широкие национальные потоки в 1940-х годах шли и в ГУЛАГ: [...]. Семьи многих из них этапировались на спецпоселение, а главы семей находились в лагерях. [...] Автоматически отправлялись на поселение – после завершения лагерного срока – лица из определенных к вечной ссылке этносов: немцы, калмыки и т.п. (Бердинских 2005: 35).

Образцы литературы сосланных народов, прорабатывающие травму, собраны в трехтомной антологии, составленной Светланой Алиевой (1993); по Алиевой, тексты в большинстве своем созданы после 1985 г. Апостериорность литературной коммуникации, а по всей вероятности и продукции, наиболее четко проявляется здесь, по сравнению с другими ситуациями инонаходимости³⁸. Хотя можно полагать, что и здесь, как в следственной тюрьме, ‘этапе’ и лагере, имело место творчество ‘в уме’, при

³⁷ Гамма настроений – от бунта до пассивного отрицания (Grimm 1972: 47-49); это на один ‘тон’ ближе к первому полюсу, по сравнению с литературой в (под)советской лагерной прессе, где гамма – от словесного бунта до видимо-полного подключения к пропагандной эстетике (Gullotta 2011: 108).

³⁸ О рудиментах литовской литературной жизни в спецпоселениях: Balkelis 2012: 66-67; Koustova 2015: 611.

котором незаписанный текст мог помниться своим автором годами (Pieralli 2013a: 387-388; 2013b: 223, 232 и сл.; ср. Солженицын 1975: 58-75 [Ч. V, гл. 5]).

ЛАГЕРЬ И ЛАГЕРНАЯ литература требуют отдельного вводного обсуждения, в рамках настоящей статьи невозможного. Лишь укажем или напомним, что видеть начало этой литературы, равно как и исследования ГУЛага, в 1950-х гг., а тем более в *Одном дне Ивана Денисовича*, исторически близоруко и оправданно только (гео)политически. И что лагерная литература дает образ-ключ к *интракомпаративному* рассмотрению режимов инонаходимости российского XX века. Упомянув возможность толковать опыт инонаходимости как околосмертного переживания³⁹, отметим, что он может структурироваться с оглядкой на самую известную в христианском мире композицию потустороннего мира и путешествия по нему (*Божественная комедия* Данте). Сложив данные двух источников, *Соловки (Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти)* Ивана Зайцева (Шанхай 1931) и *Россия в концлагере* Ивана Солоневича (София 1936), получится следующая схема пространства: СССР – трагедия; пересылочный лагерь, ‘этап’ – чистилище; лагерь – ад.

Критерий выделения как раз этих пяти видов в рамках гораздо более многочисленной семьи ситуаций – одновременное наличие следующих признаков: 1) существенная длительность состояния; 2) сочетание интеллектуально-индивидуальной и этно-культурной перспектив самоидентификации инонаходящегося лица; 3) обязательная возможность коллективности опыта, но не и его индивидуальности (спецпоселение – только коллективная форма); 4) обязательная возможность психичности опыта, но не его физичности (внутренняя эмиграция – только психическая форма); 5) одновременная проницаемость и непроницаемость внешних границ. Наличие этих признаков дает возможность говорить о литературе в условиях инонаходимости как об индивидуальном и *не-индивидуальном* занятии.

С данной точки зрения оказываются *по-разному* периферийными: коллективизация, поспешная урбанизация, мобилизация и военновременные потоки беженцев, (не продолжающиеся ссылкой и т.п.) политические аресты, обмен населением, эвакуация⁴⁰, принудительное перемещение в смысле “перемещенных лиц”, тюрьма, (не) добровольный постриг, высылка; а также “внутренняя диаспора”⁴¹, трудовая миграция, революционно-террористическое подполье, психическая эпидемия⁴².

Некоторые режимы инонаходимости препятствуют возможности (или оправданной склонности?) воспринимать ее как ретроспективную (дом утрачен): чаяние национальной территории, подлежащей освобождению; пустующей, варварской и

³⁹ В частности про эмиграцию см.: Lyutskanov 2016.

⁴⁰ Перечисление извлечено из: Davoliūtė, Balkelis 2012b: 12.

⁴¹ Термин Эрика Р. Скотта (Blauvelt 2017).

⁴² О явлении: Rosen 1960; рудименты подведения литературной продукции конкретной социально-психологической формации под эту рубрику см. в: Геллер 1974: 123-129, 232-234, 253-255, 274 и др.

т.д. земли до ее колонизации. Зачарованная 'обетованной землей' литература создается, конечно, и в условиях после утраты 'рая' (ср. Ainsa 1982: 59) – напр., *Повесть о Светомире царевице* Вячеслава Иванова⁴³. Ретро- и проспективность могут переходить одна в другую в рамках одной и той же индивидуальной или групповой жизни, как показано в (Ainsa 1982). Возможно ли поддержание двух перспектив, двух психических комплексов в состоянии равновесия?

Позднемодерный сдвиг к волюнтаристской и множественной этнокультурной самоидентификации индивида⁴⁴ сулит ответ на этот вопрос и заставляет выделить шестой 'сердцевинный' вид инонаходимости. Культурная миграция, номадизм, диаспора, транснационализм, транскulturность⁴⁵, подразумевают переоценку территориальных и этнокультурных аспектов чувства дома и чувства принадлежности, доходящую до мысли о "бессмысленности таких понятий, как территория и дом"⁴⁶, могущую стилизовать прошлое и человека под навязчивую (анти)утопию нашей современности⁴⁷. В самом деле индивид может пойти по разным траекториям между полюсами бездомности, двудомности и однодомности, между неустойчивой, множественной и однозначной самоидентификациями, между готовностью и неготовностью признать домом (родиной) язык. Лингвистическое двуязычие в рамках творчества одного автора рассматривается нами как историческая универсалия⁴⁸, но и как исторически переходное явление, с возможной трансформацией в условиях ослабленного этноцентризма интеллектуальных элит позднего XX века и века XXI-го – в контролируемое и 'паритетное' в рамках одного и тоже же текста многоязычие⁴⁹. Для

⁴³ Ср. Balkelis 2012: 67-71; конкретно, юношеские стихи спецпоселенца Напалиса Киткаукаса (цит. Balkelis 2012: 67) перерабатывают иномир Сибири в чаемую Литву.

⁴⁴ См. идентичностные горизонты гибридности (Х. Бхабха и др.), (укорененного, диалогического) космополитизма (Кваме Энтони Аппиа, Арюн Аппадурай), воображаемого мира конструируемых транснациональных идентичностей (Аппадурай), транснационализма (Михаэл Питэр Смит и др.), текстуальных полу-фикциональных "контактных зон" (в смысле Мэри Луис Пратт) (Рашель Траусдэйл) (Trousdale 2010: 3-14).

⁴⁵ Перечисление извлечено из: Kettler, Ben-Dor 2006: 8-9; McClennen 2005: 2, 11.

⁴⁶ Kettler, Ben-Dor 2006: 8. Авторы озабочены данным развитием. Ср. Sassen 2006: 143-321.

⁴⁷ "[...Д]аже если б и было возможным испытать чисто транснациональное существование, большинство из нас признают, что глобализация не ведет к свободному от властей, освобожденному, мультикультуральному состоянию бытия. [...] Я обнаружила, что в многих работах ученых термин 'exile' был лишен истории и потерял свойство отсылать к болезненному состоянию бытия. [...]" (McClennen 2005: 2, 11, ср. 5-6). Следует остерегаться и отождествления опыта глобальной бизнес и политической элиты с опытом общечеловеческим (ср. Morgan 2017: 16).

⁴⁸ См. Orsini 2015: 351-359. Работа ценна отказом от несаморефлексивно-глобалистской перспективы на многоязычие в пользу локалистско-регионалистской, с опорой на понятие 'местного космополитизма'.

⁴⁹ Начальная и потенциально-финальная точки этой мысленной траектории (если это генеалогически связанные между собой явления), более или менее в рамках русистики, рас-

обозначения эмигрантологического коррелята названного многоязычия мы позаимствовали бы понятия ‘укорененного’ и ‘диалогического’ космополитизма, а также ‘ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА’ (см. Trousedale 2010: 8-12; понимание транснационализма в Morgan 2017: 14 кажется нам слишком широким)⁵⁰. Такое обозначение высвечивает, однако, только часть явления, другой частью которого представляется литература, моделирующая жизнь в исторически обратимом и физически множественном мире (как Филипп Дик в *Человек в высоком замке* и как Владимир Сорокин в *Голубом сале*).

Эмиграция, лагерь, укорененный космополитизм и т.д. вроде бы явления чрезвычайно разнородные с точки зрения социологии и макроистории. Но с точки зрения философии (феноменологии), психологии и теории литературы они близки. Все они колеблют онтологическую, но и психологическую, и социологическую, и макроисторическую, дихотомию ‘оседлость – кочевничество’ и такую же дихотомию ‘дома – не-дома’, все же *не* упраздняя ни ту, ни другую.

Мы продемонстрировали статический подход к видам инонаходимости (близкий к структуралистскому моделированию семантики грамматической категории на основе выделения общих признаков и вариаций в их комбинировании), но возможен и динамический, а точнее диаграммический.

4.2. К диаграммической типологии инонаходимости

Моделирование инонаходимости кажется возможным и путем выделения в качестве стержневых типов *участков* ‘[малой]’⁵¹ з/Зоны, прежде всего: (следственная) тюрьма, этап(ирование), лагерь (см. Pieralli 2013b: 223). Аналогичные формы можно рассмотреть и при перемещении за государственные границы: (типовой) габитус беженства (‘сидение на чемоданах’) и суб-габитус ‘находящегося в “карантине”’⁵² (т.наз. Галлиполийское сидение, пребывание на Ellis Island); передвижение с места временного обитания к месту неокончательного жительства (реэмиграция)⁵³; габит-

смаивались, соответственно, в: Beaudeau 1984; Хромова 2019; промежуток – в: Kellman 2018: 17-23, 26-28, и в ряде работ Адриана Ваннера, напр.: Wanner 2011. Контролируемое многоязычие можно определить как инструментализацию лиминальной, или промежуточной после ‘отделения’ и до ‘воссоединения’, фазы ритуала перехода, и как вид перманентной лиминальности (эти понятия применены к эмиграции в: Lyutskanov 2016: 354-356).

⁵⁰ Определение в обход транслингвальности удобно эмигрантологии лишь на первый взгляд.

⁵¹ Ср. Розанов (1979: 23, 188), различающий, как и многие, ‘малую’ и ‘большую’ (всесоюзную) зоны. Советское зонирование степеней несвободы походит на современную ситуацию ‘свободного’ передвижения людей по миру (визовые режимы разной степени строгости).

⁵² Не обязательно – медицински-мотивированного.

⁵³ Ссылка в *царской России* показывает признаки того же габитуса. “Движение, показывает [Сара Бэдкок], было неотъемлемо от наказания изгнанием [...] первоначальное путешествие обычно прерывалось затяжными (иногда длящимися больше года) периодами в пере-

тус эмиграции. Диаграммическая группировка форм отсылает к троичной структуре ритуалов перехода.

5. *К описанию символической экономики инонаходимости (эмиграция как модель)*

Недооценка территориальных и этнокультурных аспектов идентичности обездомленных может подпитываться и той модификацией мирского культа поэта, которая приписывает последнему всевозможные формы 'свободы *от*'⁵⁴, чтобы оставить ему одну-единственную форму 'свободы *ради*' – 'творчества'. (А литературоведы, сознательно или нет, привержены этой модификации). Пример Владимира Набокова кажется особенно деморализующим. Отход Набокова от русского языка и успешная социализация его творчества в т. наз. мировой литературе подсказывают определенную модель исследования и оценки опыта *обездомленных пишущих*, где предмет 'подгоняется' и под нашу современность, и под модерность⁵⁵. Соглашамся с Тихоновым (2015: 154; 142, 155), что нужно освободить наше представление об эмиграции (и ссылке) как от романтизирующей (высокая уединенность), так и от либеральной (самодостаточная креативность) стереотипизаций⁵⁶. С другой стороны, предметное поле модернизируется и с интенцией без остатка *национализировать* опыт обездомленных, привязать тот опыт к идиллически представляемой родной этнокультурной общности, перемещенной или нет⁵⁷. (Здесь не только действие актуальной политической конъюнктуры в России, но и отождествление поэта с воплощением национального гения). Влиятельная в настоящем веке метафора "русское зарубежье"⁵⁸ кодирует набор основных методологических пороков российской эмигрантологии, действительных и потенциальных: физический детерминизм; 'метрополио-центризм'; недооценка взаимодействия с туземной средой; обход проблемы политического и ментального раскола.

Любая эмигрантская литература (и культура) вынашивает диалектику противоречия между свободой и интимной связанностью с 'родным' гнездом (ср. McClennen

сильных тюрьмах и стоянках, во время которых узников приставляли к работам" (Pallot 2017: 137; о: Vadcock 2016).

⁵⁴ В смысле Эриха Фромма.

⁵⁵ Центральным для последней кажется миф об индивидуальности, имеющий две основные точки приложения: индивида и нацию (всем известные работы о национализме 'конструктивистской / модернистской' парадигмы дезавуируют указанный миф в его второй точке приложения, персоналистская критика индивидуализма – в первой).

⁵⁶ Научную де-романтизацию наиболее известных русских ссыльных, декабристов, см. в: Gentes 2010: 82-83.

⁵⁷ Отмечу наличие альтернатив, с которыми эмигрантология должна считаться: Маргарита из романа М. Булгакова социализируется в свите Воланда, в 1934 г. Татьяна Чернавина подбрасывает идею создания "ордена бывших подсоветских людей".

⁵⁸ Я не отрицаю, что она была распространена и среди эмигрантов.

2005; ср. и Tihanov 2015, где противоплагаются креативность и страдание). Тиханов (не он один) говорит об эмиграции как о поле взаимного обогащения принимающей культуры и культуры эмигрантов (2011: 325; ср. 321, с парадигмо-задающей ссылкой на монографию Л. Ливака). Можно считать, что в опыте бездомных, в т.ч. эмигрантов, переплетены *три* основных импульса, или социо-пространственные ориентации: освобождения от любых обременяющих обязанностей и привязанностей (см. Boldor 2005), или ориентация на неограниченное самоутверждение; ответственности за общность 'своих' (см. Люцканов 2019) и ностальгии по родному дому; коллокации / взаимодействия⁵⁹ с 'туземцами'.

Представляется ценным видеть вынашивание этих ориентаций в их сочлененности. Такой перспективой может оказаться "основополагающий нарратив о трансгрессии и пересечении границ" (Tihanov 2015: 143); но ею может быть и (мета-)нарратив о существовании в условиях (не)перманентной лиминальности⁶⁰ и о (не)сообщении / (не)сообщимости опыта такового существования⁶¹.

Как кризисное состояние, бездомность вынуждает к творчеству (Flusser 2004), которое следует понимать и как вызов на встречу с 'чужими' рядом (ср. *там же*: 26) и 'своими' где-то в отдалении. Ответ на вызов вбирает в себя диалектику индивидуации и регресса (в смысле Фромма) и зависимость от разных идеологий (или идеологически фундированных 'здоровых смыслов'). Он осуществляет гамму установок – на (авто)терапию, адаптацию, ассимиляцию⁶², (само)разрушение, *спасение*⁶³. Они, как и вышеназванные 'ориентации', представляются базисными параметрами символической экономики всех 'сердцевинных' видов бездомности.

⁵⁹ Взаимодействие можно описать диалектикой притяжения и отталкивания. Но разница между взаимодействием и (лишь) сожительством не объясняется разностью в соотношении притяжения и отталкивания. Нет необходимости распространяться здесь об этом.

⁶⁰ Понятие перманентной лиминальности – Арпада Шаколчая. Анализ понятия и его предыстории см. в: Thomassen 2009.

⁶¹ Наиболее драматическим среди возможных жизненных сюжетов кажется такой: 'бездомный рассказывает о той бездомности, которую он оставил за спиной, а новый сосед, тоже бездомный, ему (не) верит'.

⁶² Различение между установками на ассимиляцию и адаптацию (аккомодацию) см., напр., в: Dobson 2013.

⁶³ Типология опирается на аналитическую психологию К. Юнга (Samuels *et al.* 1986), социальную психологию Э. Фромма (Fromm 1955; 1973) и *пастырскую психологию* Владеты Иеротича (Jerotić 1997).

Литература

- Аверинцев 1996: С. Аверинцев, *Греческая "литература" и ближневосточная "словесность"*, в: Он же, *Риторика и истоки европейской литературной традиции*, Москва 1996 (1971¹), с. 13-75.
- Алексеев и др. 1929: Н. Алексеев, В. Ильин, Н. Клепанин, П. Савицкий, К. Чхеидзе (под ред.) *Евразийские сборники*, VI, Прага 1929.
- Алиева 1993: С. Алиева (сост.), *Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия*, Москва 1993.
- Бердинских 2005: В. Бердинских, *Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России*, Москва 2005.
- Барковская и др. 2019: Н. Барковская, Дж. Джулиано, Й. Люцканов, *Эмиграция, внутренняя эмиграция, ссылка: общее и различное в самосознании литератора*, "Филологический класс", 2019, 1 (55), с. 175-179.
- Богданов 1911: А. Богданов, *Культурные задачи нашего времени*, Москва 1911.
- Бодаков 2021: М. Бодаков, *Das Unheimliche, Бай Ганю, Бойко Борисов и др.*, "Labyrinth: теории и практики культуры", 1 марта 2021, <<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru/2021/03/01/марин-бодаков-das-unheimliche-бай-ганю-бойко-борис/>> (дата доступа: 17.06.21).
- Волошин 1933: Г. Волошин, *Поэзия "Святой ночи"*, "Голос Труда", 1933, 26, с. 2.
- Гаспаров 2001: М. Гаспаров, *Записи и выписки*, Москва 2001.
- Геллер 1974: М. Геллер, *Концентрационный мир и советская литература*. London 1974.
- Горчева 2009: А. Горчева, *Пресса ГУЛАГа. Списки Е.П.Пешиковой*, Москва 2009.
- Григорян 1991: А. Григорян, *Мысль, слово, дело – три рода и три сферы человеческой деятельности*, в: Н. Злыднева, В. Иванов (сост.), *Ноосфера и художественное творчество*, Москва 1991, с. 111-118.
- Зайцев 1931: И. Зайцев, *Соловки (Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти)*, Шанхай 1931.
- Јеротић 1997: В. Јеротић, *Хришћанство и психолошки проблеми човека*, Београд 1997.
- Люцканов 2019: Й. Люцканов, *Вина и ответственность литератора в социуме и в истории (на материале русской эмигрантской прессы Болгарии 1920-х – 1940-х гг.)*, "Новый филологический вестник", 2019, 3 (50), с. 347-362.
- Милюков 1896-1903: П. Милюков, *Очерки по истории русской культуры*, I-III, Санкт-Петербург 1896-1903.

- Нива 1981: Ж. Нива (отв. ред.), *Одна или две русских литературы? Международный симпозиум, созданный Факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики, Женева, 13-14-15 апр. 1978*, Lausanne 1981.
- Розанов 1979: М. Розанов, *Соловецкий концлагерь в монастыре, 1922-1939 гг. Факты. Домыслы. "Параши". Обзор воспоминаний соловчан соловчанцами в 2-х томах*, I, США 1979, <<https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1118>> (дата доступа: 17.06.21).
- Синявский 2003: А. Синявский, *Поэзия Бориса Пастернака*, в: Он же, *Литературный процесс в России: литературно-критические работы разных лет*, Москва 2003 (1965¹), с. 87-128.
- Солженицын 1975: А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛаг: Опыт художественного исследования*, Paris 1975.
- Солоневич 1958: И. Солоневич, *Россия в концлагере*, Вашингтон 1958⁵ (София 1936¹).
- Спасова, Калинова 2013: К. Спасова, М. Калинова, *Преподачески безпокойства около das Unheimliche (филологическа бележка)*, "Литературен вестник", XXIII, 34 (23-29 окт.), <<https://litvestnik.wordpress.com/2013/11/12/преподачески-безпокойства-около-das-unheimliche/>> (дата доступа: 05.02.22), с. 1-2.
- Струве 1996: Г. Струве, *Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы*, Париж-Москва 1996³ (Нью Йорк 1956¹).
- Суханек 2012: Л. Суханек, *Россиеведение и эмигрантология: новые формы исследований и дидактики в польской славистике*, "Новая русистика", V, 2012, Supplementum, с. 17-21.
- Суханек 2013: Л. Суханек, *Краковская исследовательская школа россиеведения и эмигрантологии*, "Новая русистика", VI, 2013, Supplementum, с. 23-33.
- Троцкий 1992: Л. Троцкий, *Внеоктябрьская литература*, в: *Минувшее: Исторический альманах*, VIII, Москва 1992 (1922¹), с. 332-349 (опубл. параллельно со статьей Н. Пунина *Литература без революции*).
- Федоров 1919: А. Федоров, "I. По степи мы с тобою блуждали...; II. День уходил, светясь, к закату...", Научен архив на БАН (София), ф. 37 (Боян Пенев), оп. 1, ед. хр. 1417, л. 3г.
- Федоров 1928: А. Федоров, *Люди, которые говорят сами с собой*, "Русь", 1928, 1486, 25 марта, с. 2-3.
- Хромова 2019: Е. Хромова, *Литературное многоязычие как актуальная научная проблема*, "Вестник Тюменского ГУ. Гуманитарные исследования", V, 2019, 1, с. 101-113.

- Ainsa 1982: F. Ainsa, *Utopia, Promised Lands, Immigration and Exile*, "Diogenes", XXX, 1982, 3 (119), c. 49-64.
- Badcock 2016: S. Badcock, *A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*, Oxford-New York 2016.
- Balkelis 2012: T. Balkelis, *Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag*, в: V. Davoliūtė, T. Balkelis (eds.), *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*, Vilnius 2012, c. 46-71.
- Beaujour 1984: E.K. Beaujour, *Prolegomena to a Study of Russian Bilingual Writers*, "Slavic and East European Journal", XXVIII, 1984, 1, c. 58-75.
- Bell 2011: W.T. Bell, *The Gulag and Soviet Society in Western Siberia, 1929-1953*, PhD thesis, Department of History, University of Toronto 2011.
- Berg 1996: N. Berg, *Exile from Exile: Israeli Writers from Iraq*, New York 1996.
- Bishop 2016: K.E. Bishop (ed.), *Cartographies of Exile: A New Spatial Literacy*, London-New York 2016.
- Blauvelt 2017: T.K. Blauvelt, "Eric R. Scott, *Familiar Strangers: The Georgian Diaspora and the Evolution of Soviet Empire*", "Revolutionary Russia", XXX, 2017, 1, c. 147-149.
- Boldor 2005: A. Boldor, *Exile as Severance*, PhD thesis, Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College 2005.
- Bourdieu 2004: P. Bourdieu, *Science of Science and Reflexivity*, Chicago-Cambridge 2004 (ор. изд. *Science de la science et réflexivité*, Paris 2001).
- Connon 2010: D. Connon, *Subjects Not-at-home: Forms of the Uncanny in the Contemporary French Novel (Emmanuel Carrère, Marie NDiaye, Eugène Savitzkaya)*, Amsterdam 2010.
- Davoliūtė, Balkelis 2012a: V. Davoliūtė, T. Balkelis, eds., *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*, Vilnius 2012.
- Davoliūtė, Balkelis 2012b: V. Davoliūtė, T. Balkelis, *Introduction*, в: Они же (eds.), *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*, Vilnius 2012, c. 7-23.
- Dobson 2013: M. Dobson, "Keeping Faith with the Party: Communist Believers Return from the Gulag", "The American Historical Review", CXVIII, 2013, 1, c. 288.
- Doležel 1988: L. Doležel, *Mimesis and Possible Worlds*, "Poetics Today", IX, 1988, 3, c. 475-496
- Ernout *et al.* 2001: A. Ernout, A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots* (retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par J. André), Paris 2001.

- Filina, Ossowska 2015: M. Filina, D. Ossowska, *Losy Polaków na Kaukazie. Część I: "Tbiliska grupa" polskich poetów zesłańczych*, Tbilisi 2015.
- Flusser 2004: V. Flusser, *Exil and Creativity*, в: *Flusser's View on Art: MECAD Online Seminar*, 2004, с. 22-26, <<https://arena-attachments.s3.amazonaws.com/151301/b114594988746934030bba5733794611.pdf?1379495396>> (дата доступа: 17.06.21) (пер. с нем.; оп. изд.: *Exil und Kreativität*, "Spuren", 1984-1985, 9; 1-ое изд. перевода: V. Flusser, *The Freedom of the Migrant. Objections to Nationalism*, transl. by K. Kronenberg, Champain [IL] 2003, с. 81-86).
- Frank 2010: S. Frank, *Geokulturologie und Geopoetik: Definitions- und Abgrenzungsvorschläge*, in: M. Marszałek, S. Sasse (eds.), *Geopoetiken: Geographische Entwürfe in den mittel- und osteuropäischen Literaturen*, Berlin 2010, с. 19-43.
- Freidin 1993: G. Freidin, *By the Walls of Church and State: Literature's Authority in Russia's Modern Tradition*, "Russian Review", LII, 1993, 2, с. 149-165.
- Fromm 1955: E. Fromm, *The Sane Society*, New York 1955.
- Fromm 1973: E. Fromm, *The Anatomy of Human Destructiveness*, New York 1973.
- Gentes 2010: A. Gentes, *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823-1861*, S.I. 2010.
- Gołaszewski et al. 2016a: M. Gołaszewski, M. Kardach, L. Krenzlin (Hrsg.), *Zwischen innerer Emigration und Exil: deutschsprachige Schriftsteller 1933-1945*, Berlin-Boston 2016.
- Gołaszewski et al. 2016b: M. Gołaszewski, M. Kardach, L. Krenzlin, *Einleitung: Im Reich und auerhalb. Deutschsprachige Schriftsteller in der Inneren Emigration und im Exil 1933-1945*, в: Они же (Hrsg.), *Zwischen innerer Emigration und Exil: deutschsprachige Schriftsteller 1933-1945*, Berlin-Boston 2016, с. 3-7.
- Grace 2007: D. Grace, *Relocating Consciousness: Diasporic Writers and the Dynamics of Literary Experience*, Amsterdam-New York 2007.
- Grimm 1972: R. Grimm, *Innere Emigration als Lebensform*, в: R. Grimm, J. Hermand (Hrsg.), *Exil und innere Emigration*, Frankfurt am Main 1972, <<https://search.library.wisc.edu/digital/AGLXFCC4I25VD-P8Q>>, с. 31-73 (дата доступа: 17.06.21).
- Gullotta 2010: A. Gullotta, *The 'Cultural Village' of the Solovki Prison Camp: A Case of Alternative Culture*, "Studies in Slavic Cultures", IX, 2010, с. 9-25.
- Gullotta 2011: A. Gullotta, *A New Perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press*, "Studi Slavistici", VIII, 2011, с. 95-111.
- Hart 2013: J. Hart, *Textual Imitation: Making and Seeing in Literature*, New York 2013.
- Ilie 1980: P. Ilie, *Literature and Inner Exile: Authoritarian Spain, 1939-1975*, Baltimore 1980.

- Kellman 2018: S. Kellman, *Writer Speaks with Forked Tongue: Interlingual Predicaments*, в: R. Gilmour, T. Steinitz (eds.), *Multilingual Currents in Literature, Translation and Culture*, New York-Abingdon 2018, c. 16-33.
- Kettler, Ben-Dor 2006: D. Kettler, Z. Ben-Dor, *Introduction: The Limits of Exile*, в: D. Kettler, Z. Ben-Dor (eds.), *Limits of Exile*, Leiden 2006 (= "Journal of the Interdisciplinary Crossroads", III/1), c. 1-9.
- Klapper 2014: J. Klapper, *Categories of the Non-conformist: The Historical Fiction of Inner Emigration*, "German Life and Letters", LXVII, 2014, 2, c. 159-182.
- Klapper 2015: J. Klapper, *Nonconformist Writing in Nazi Germany: The Literature of the Inner Emigration*, Rochester (NY) 2015.
- Knapp 1991: B. Knapp, *Exile and the Writer: Exoteric and Esoteric Experiences: A Jungian Approach*, University Park (PA) 1991.
- Koustova 2015: E. Koustova, *(Un)returned from the Gulag: Life Trajectories and Integration of Postwar Special Settlers*, "Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History", XVI, 2015, 3, c. 589-620.
- Krenzlin 2016: L. Krenzlin, *Emigranten im eigenen Land? Zum Umgang mit dem Ausdruck „Innere Emigration“*, в: M. Gołaszewski et al. (Hrsg.), *Zwischen innerer Emigration und Exil: deutschsprachige Schriftsteller 1933-1945*, Berlin-Boston 2016, c. 11-27.
- Lewis, Wigen 1997: M. Lewis, K. Wigen, *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*, Berkeley-Los Angeles-London 1997.
- Lyutskanov 2016: Y. Lyutskanov, *The Soviet Border in the Russian Émigré Newspapers of Bulgaria: Its Representation and Presence, 1928-1935*, в: I. Ratianni (ed.), *Literature in Exile: Emigrants' Fiction. 20th Century Experience*, Newcastle upon Tyne 2016, c. 354-376.
- McClennen 2005: S.A. McClennen, *Exilic Perspectives on "Alien Nations"*, "CLCWeb: Comparative Literature and Culture", VII, 2005, 1, <<https://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol7/iss1/6/>> (дата доступа: 17.06.21).
- Morgan 2017: P. Morgan, *Literary Transnationalism: A Europeanist's Perspective*, "Journal of European Studies", XLVII, 2017, 1, 3-20.
- Neumann, Neumann 2018: C. Neumann, I. Neumann, *Power, Culture and Situated Research Methodology: Autobiography, Field, Text*, Cham 2018.
- Orsini 2015: F. Orsini, *The Multilingual Local in World Literature*, "Comparative Literature", LXVII, 2015, 4, 345-374.
- Pallot 2017: J. Pallot, *A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism/The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars*, "Revolutionary Russia", XXX, 2007, 1, c. 136-139.
- Pavel 1986: T. Pavel, *Fictional Worlds*, Cambridge (MA) 1986.

- Pieralli 2013a: C. Pieralli, *The Poetry of Soviet Political Prisoners (1921-1939): An Historical-typological framework*, в: A. Alberti, M. Garzaniti, M. Perotto, B. Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XV congresso internazionale degli slavisti*, Firenze 2013, c. 387-412.
- Pieralli 2013b: C. Pieralli, *La lirica nella 'zona': poesia femminile nei Gulag staliniani e nelle carceri*, в: A. Alberti, G. Moracci (a cura di), *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*, Firenze 2013, c. 221-246.
- Pieralli 2017: C. Pieralli, *Poesia del Gulag o della "zona"? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS*, в: C. Pieralli, C. Delaunay, E. Priadko (a cura di), *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea*, Firenze 2017, c. 281-310.
- Rosen 1960: G. Rosen, *Psychopathology in the Social Process: I. A Study of the Persecution of Witches in Europe as a Contribution to the Understanding of Mass Delusions and Psychic Epidemics*, "Journal of Health and Human Behavior", 1, 1960, 3, c. 200-211.
- Ruiz-Meléndez 2005: M. Ruiz-Meléndez, *Voices of Displacement: Multiple Exiles in the Works of Zoé Valdéz*, PhD thesis, Athens (GA) 2005.
- Samuels et al. 1986: A. Samuels, B. Shorter, F. Plaut, *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*. London-New York 1986.
- Sassen 2006: S. Sassen, *Territory; Authority; Rights: From Medieval to Global Assemblages*, Princeton-Oxford 2006.
- Savickij 1929: P. Savickij, *Местодействие в русской литературе (географическая сторона истории литературы)*, в: J. Horák, M. Murko, M. Weingart (eds.), *I sjezd slovanských filologů v Praze. Výtahy s přednášek / Résumés*, Praha 1929, s.p.
- Sloterdijk 2012: P. Sloterdijk, *Nearness and Da-sein: The Spatiality of Being and Time*, "Theory, Culture & Society", 2012, 4-5, c. 36-42.
- Smith 2006: A. Smith, *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian Twentieth-Century Poetry*, Amsterdam 2006.
- Spariosu 2015: M. Spariosu, *Modernism and Exile: Play, Liminality, and the Exilic-Utopian Imagination*, Basingstoke (UK) 2015.
- Tabori 1972: P. Tabori, *The Anatomy of Exile: A Semantic and Historical Study*, London 1972.
- Thomassen 2009: B. Thomassen, *The Uses and Meanings of Liminality*, "International Political Anthropology", 11, 2009, 1, c. 6-27.

- Tihanov 2011: G. Tihanov, *Russian Émigré Literary Criticism and Theory between the World Wars*, в: E. Dobrenko, G. Tihanov (eds.), *A History of Russian Literary Theory and Criticism: The Soviet Age and Beyond*, Pittsburgh 2011, с. 321-344.
- Tihanov 2015: G. Tihanov, *Narratives of Exile: Cosmopolitanism beyond the Liberal Imagination*, в: N. Glick Schiller, A. Irving (eds.), *Whose Cosmopolitanism?: Critical Perspectives, Relationalities and Discontents*, New York-Oxford 2015, с. 141-159.
- Tomko 2014: H.M. Tomko, *Böll's War: Catholic Inner Emigration, Apocalyptic Dystopia, and "Stunde null"*, "German Life and Letters", LXVII, 2014, 3, с. 358-377.
- Tomko 2017: H. M. Tomko, *Beyond Exile and Inner Emigration: Rereading Max Horkheimer on Theodor Haecker's Der Christ und die Geschichte (1935)*, "The German Quarterly", XC, 2017, 2, с. 157-174.
- Trigg 2012: D. Trigg, *The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny*, Athens (OH) 2012.
- Trousdale 2010: R. Trousdale, *Nabokov, Rushdie, and the Transnational Imagination: Novels of Exile and Alternate Worlds*, New York 2010.
- Vólkova Américo 2014: E. Vólkova Américo, *Tihanov, Galin. "Narrativas do exílio..."*, "Bakhtiniana", IX, 2014, 2, с. 222-228.
- Wanner 2011: A. Wanner, *Out of Russia: Fictions of a New Translingual Diaspora*, Evanston (IL) 2011.
- Zeng 2010: H. Zeng, *The Semiotics of Exile in Literature*, New York-Basingstoke 2010.

Abstract

Jordan Ljuckanov

Towards Demarcating Emigrantology

In this article I propose viewing '(Russian P/)philology', 'Russia(n) Studies' and '(Russian E/) emigrantology' as three separate and equally valid approaches to (Russian) literature and writers; I maintain that each of them is charged with its own interdisciplinary perspective.

I elaborate a new definition of 'emigrantology', based on reassessment of its subject matter (not exilic experiences, but experiences of 'somewhere-else-ness') and the range of its objects (not only emigration / exile, but a family of diverse experiences, from camp incarceration, to trips to the other-world and translingual writing). I seek to overcome physical determinism of Russian literary studies in Russian language and, at the same time, to forestall certain 'counter-sedentary' bias perceivable in post-modern contemplation of exile and related phenomena in the English language. I link the literary-theoretic *raison d'être* of 'emigrantology' to the property of 'non-in-situatedness' that differentiates 'literature' from 'wording' ("writings") according to the literary ontology of S. Averincev.

I define the subject matter of 'emigrantology', as 'unselfiness', 'unplaceliness' and 'somewhere-else-ness' (the former two concepts are deliberate neologisms, shaped after "untimely"). I conceptualise 'backing' notions as 'place-boundness' and 'place-conscience' and explain the two theoretic assumptions which give my own theorisation sense: the irreducible territoriality of exile in particular and of 'somewhere-else-ness' in general, and their basic property of being both psychic and bodily. I also compare 'somewhere-else-ness' to *das Unheimliche* and fictional worlds.

Prioritising the standpoint of sociology of literature and with the case of Russian literature / literature in Russia in mind, I delineate some 'core' types of 'being-somewhere-else' experiences: besides inciting to be thematised by literature and hosting individual literary creativity, these types can sustain circulation and reception of literature (the state of being an *émigré*; inner emigration; exile; camp incarceration; special settlement; translingual writing / transnational belonging). As a counterpoint, I trace the option of diagrammatic typology of 'somewhere-else-ness' experiences, one which brings to the fore commonalities with rites of passage.

Taking the condition of being an *émigré* (community) as a benchmark and distancing my model from both liberal-individualist and nationalist mythologisations of that latter condition, I identify what I believe are the basic parameters of symbolic economy of an individual and community experiencing 'somewhere-else-ness'.

Keywords

'Somewhere-Else-ness'; 'Being Without the Situation'; Special Settlements; Multilingual Writing; Symbolic Economy of Exile.